

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАКТОВКИ МЕНТАЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Понятие менталитета и ментальности за последние годы вошло в круг активного научного употребления. Вместе с тем содержательная неопределенность и даже размытость данных терминов не позволяет продуктивно использовать их в научных исследованиях. К помощи данных понятий прибегают во всех случаях, когда необходимо, например, объяснить межкультурные различия в процессе крупных общественных перемен, причины успеха и неудач в осуществлении рыночных реформ в современном российском обществе. Ссылки на ментальные основания столь часты, что порой авторы мало заботятся о методологической проработке и обоснованности применяемых понятий.

Более того, содержащиеся в литературе определения ментальности или рассуждения о ней не только противоречивы в рамках корпуса суждений различных авторов, но даже в текстах одного исследователя. В результате, как это не раз уже случалось с пришедшими в нашу науку извне объясняющими концепциями, мода на термин «менталитет» во много раз превосходит и опережает опыт реального прикладного освоения этой гипотезы. В итоге, как отмечает И.В. Герасимов, менталитетом стали называть любые устойчивые проявления духовной жизни, а само понятие превратилось в неопределенную, семантически перегруженную метафору¹, «размытую» в рамках различных научных дисциплин.

Методологическая оснастка понятия осложняется тем, что некоторые крупные историки, внесшие огромный вклад в изучение ментальности, подчеркивают преднамеренную нестрогость, расплывчатость этого понятия. Так, Ж. Ле Гофф считает, что «сильная сторона истории ментальностей именно в том, в чем ее часто упрекают – в расплывчатости ее предмета, в ее попытках уловить упускаемый другими науками «осадок» исторического анализа, отыскать нечто от него ускользающее»². Близкой позиции придерживается М. Вовель: «Но именно то неясное, что содержится в целом ряда удобных словесных формул («инерция ментальных структур», «коллективная ментальность»), не только не помешало историографическому движению, но и, похоже, благоприятствовало ему»³. А.Я. Гуревич отмечает неизбежность расплывчатости понятия при современном уровне изучения ментальности: «Неопределенность, расплывчатость, даже двусмыслен-

ность понятия «ментальность», обусловлены не только тем, что это понятие еще недостаточно логически прояснено историками. Эта неясность в отношении ментальностей отражает, я убежден, суть дела: предмет не очерчен четко в самой ткани истории, но присутствует в ней повсюду»⁴.

На наш взгляд, положительная оценка этими и другими исследователями расширительной трактовки менталитета и отсутствие четко сформулированной понятийной сетки данного феномена приводит к терминологической путанице, смешению и наложению дефиниций друг на друга и к необходимости разграничения сфер его влияния с такими категориями, как социальная психология, психический склад, национальный характер. Тем более, что часть исследователей либо вообще отождествляют эти понятия с ментальностью⁵, либо приводят такие критерии их разделения, которые ничего не проясняют. Так, например, В.С. Барулин считает, что в менталитете «четче прослеживаются механизмы взаимосвязи, взаимодействия человека и общества»⁶.

Для решения этой задачи целесообразно сравнение категориального каркаса и структуры основных элементов рассматриваемых феноменов и выявление общего понятийного пространства. К таким общим для социальной психологии и менталитета компонентам относятся национальный характер, умонастроения, традиции, обычаи, стереотипы, установки, убеждения, идеалы, взгляды, ценности, знания, особенности мышления. Таким образом, в общее понятийное поле социальной психологии и менталитета попадают устойчивые компоненты, составляющие содержание рациональной и волевой сфер психологии (даже если согласиться со сторонниками эмоциональной обусловленности менталитета, то она выражается в типичных эмоциональных реакциях, своего рода эмоциональных привычках и также имеет устойчивый характер).

Учитывая, что на реальное поведение людей помимо статичных элементов психики, как справедливо отметила О.С. Поршнева, оказывают влияние явления психической динамики в процессе общения в виде одновременно переживаемых психических состояний (настроения, мнения, слухи, мода...) и механизмы действия толпы (заражение, внушение, подражание)⁷, а кроме того, такая нередко забываемая, а реально важная категория,

как отношения (межличностные, внутригрупповые, межгрупповые), следует, на наш взгляд, считать менталитет частью социальной психологии в группе ее константных элементов, а всю совокупность психологических факторов исторического процесса целесообразно определить как психоментальность.

В противном случае, если ментальность, как представляется многим исследователям, берется как содержание (образ, представление, понятие), а психика – как процесс⁸, иными словами, статичные и динамичные конструкты общественного сознания, то изучение только ментальных характеристик человека, социальных групп значительно сужает объяснительный потенциал научной категории, поскольку выводит за его рамки целый ряд психических явлений, грешит односторонностью, минимизирует конкретно-ситуативное влияние на человеческое поведение.

Одним из последних примеров такого подхода является позиция, выраженная в обстоятельной и содержательной монографии О.С. Поршневой, согласно которой социальная психология «исследует прежде всего процессы, а также механизмы возникновения определенных состояний, то история ментальностей – содержание представлений и установок и обусловленные ими способы социального поведения»⁹. Такое разграничение «полномочий», на наш взгляд, искусственно разрывает звенья одной цепи, каковыми являются социальная психология и менталитет, и противопоставляет их друг другу. К тому же неправомерно сужается сфера действия социальной психологии, поскольку совершенно не учитывается одна из основных ее категорий – «отношения» и ее искусственно переводят в «зону влияния» только истории ментальностей. Кроме того, не учитывается единство человеческой психики, все элементы которой тесно переплетены и взаимосвязаны, и на поведение человека оказывают влияние не только ментальные компоненты, но и весь комплекс ее составляющих.

Между тем многие современные исследователи вслед за классиками школы «Анналов» усматривают в недоформализованности термина «ментальность» достоинство, позволяющее использовать его в широком диапазоне и соединять психологический анализ и гуманитарные рассуждения о человеке. Именно таким эклектичным способом чаще всего исследуют ментальность этнических общностей, практически сводя ее к национальному характеру, психологи и этнологи во многих странах мира. При этом отмечается, что с первых шагов становления этнопсихологии ее крупнейшие

представители изучали именно ментальность, хотя и под другими названиями (душа народа В. Вундта, социальные представления Ф. Хсю, «типичные коллективные переживания» Г. Шпета и др.), тем самым ставя под сомнения правомерность введения нового понятия. Некоторые попытки «развести» ментальность и национальный характер просто не выдерживают критики. Так, Е.А. Ануфриев и Л.В. Лесная видят разницу между ними в том, что национальный характер «нужно изучать социологическими методами, а для изучения менталитета требуется более широкий социально-политический и исторический анализ»¹⁰, хотя максимальная эффективность исследования этих феноменов возможна только в условиях междисциплинарного синтеза.

Первоначально описательное понятие «национальный характер» использовалось в литературе о путешествиях с целью выразить образ жизни народов. В дальнейшем, говоря о нем, одни авторы подразумевали прежде всего темперамент, другие обращали внимание на личностные черты, третьи – на ценностные ориентации, отношение к власти, труду и т. д. В настоящее время под ним понимают либо присущий представителям данной нации набор основных личностных черт (концепция модальной личности), либо систему основных существующих в этносе представлений: установок, верований, ценностей, умонастроений и т. п. (концепция социальной личности). Термин «национальный характер» чаще всего использовался применительно к изучению восприятия культуры и культурно-обусловленного поведения индивида, и, по существу, «изучение национального характера превратилось в изучение национальной культуры с психологической точки зрения»¹¹. Здесь, в свою очередь, определились два различных подхода: личностно-центрированный и культурно-центрированный. Первый был нацелен на изучение поведенческих характеристик культуры: национально-специфической структуры протекания психических процессов, адаптивных механизмов, эмоциональных установок, общественных институтов и институционализованного поведения, фольклора, ритуалов и т. п. Второй – культурно-центрированный подход – был связан главным образом с исследованием норм и ценностей, то есть представлений о мире, характерных для той или иной культуры. И сейчас имеются самые разные точки зрения не только на то, что такое национальный характер, но и существует ли он вообще, является ли он «более важным» признаком, чем те элементы личности, которые дифференцируют даже наибо-

лее похожих друг на друга индивидов. Положение осложняется еще и потому, что в наши дни наблюдается «изгнание» темы характера из психологии и замена этого интегрального понятия понятием «личностных черт» или просто понятием «личность»¹².

Но даже если рассматривать национальный характер как некое расплывчатое понятие, в которое исследователь включает – в зависимости от своих методологических и теоретических взглядов – те или иные психологические особенности, отличающие один народ от другого, необходимо четко руководствоваться некоторыми принципами.

Во-первых, представляется совершенно очевидным, что характер этноса – не сумма характеров отдельных его представителей, а фиксация типических черт, которые присутствуют в разной степени и в разных сочетаниях у значительного числа индивидов. Поэтому прав И.С. Кон, подчеркивающий: «чтобы понять характер народа, нужно изучать, прежде всего, его историю, общественный строй и культуру; индивидуально-психологические методы здесь недостаточны»¹³.

Во-вторых, недопустимо рассматривать какие-либо черты достоянием отдельных этнических общностей. Уникальны не черты и не их сумма, а структура: «... речь идет не столько о каких-то «наборах» черт, сколько о степени выраженности той или другой черты в этом наборе, о специфике ее проявления»¹⁴.

Кроме того, черты характера можно понять лишь в соответствии с общей системой ценностей, зависящей от социально-экономических и географических условий, от образа жизни народа. То же трудолюбие является общечеловеческим качеством, однако комплекс исторических условий влияет на национальный смысл труда в той или иной культуре.

Для того чтобы разграничить указанные понятия, с точки зрения И.Г. Дубова, следует назвать те психологические феномены, в которых менталитет репрезентируется и которые необходимо изучить для его всестороннего описания.

Содержание менталитета, по мнению автора, как это вытекает из самой этимологии слова, заключается в когнитивной сфере и определяется, прежде всего, теми знаниями, которыми владеет изучаемая общность. Совместно с верованиями знания составляют представления об окружающем мире, которые являются базой менталитета, задавая в купе с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного иерархию ценностей, характеризующую данную общность.

В структуре имеющихся знаний он, прежде всего, выделяет перцептивные и когнитивные эталоны (а применительно к общественным отношениям – социальные нормы), играющие важную роль в регуляции поведения и наряду с ценностями характеризующие менталитет данной культуры. При рассмотрении реальных факторов эталоны становятся критериями выносимых оценок и определяют систему гуманных умонастроений и ясных взглядов на мир, обуславливающих модальность смысловой системы отношений к миру. В упрощенном схематизированном виде взгляды на мир, оценки окружающей действительности выглядят как стереотипы сознания, выделяясь в сфере общественных отношений как социальные стереотипы.

Система доминирующих в большой социальной группе мотивов, детерминированная на уровне сознания существующей иерархии ценностей, отражает некоторые единые для представителей данной общности убеждения, идеалы, склонности и интересы. Эти и другие, обеспечивающие готовность действовать определенным образом, факторы являются социальными установками и могут считаться одной из основных характеристик менталитета нации или социального слоя.

Относясь к когнитивной сфере личности, менталитет наиболее отчетливо проявляется в типичном поведении представителей данной культуры, выражаясь, прежде всего, в стереотипах поведения, к которым тесно примыкают стереотипы принятия решений, означающие на деле выбор одной из поведенческих альтернатив. Здесь следует выделить те стандартные формы социального поведения, которые заимствованы из прошлого и называются традициями и обычаями.

Исходя из этого, исследователь делает вывод, что национальный характер, понимаемый как специфическое сочетание устойчивых личностных черт представителей конкретного этноса или как доминирующие в данном обществе ценности и установки, является, по существу, лишь частью менталитета как интегральной характеристики психологических особенностей людей, принадлежащих к изучаемой культуре¹⁵.

Другим примером расширительной трактовки менталитета является его понимание как совокупности «представлений, воззрений, «чувствований» общности людей определенной эпохи, географической области и социальной среды», особого психологического уклада общества, влияющего на исторические и социальные процессы¹⁶, что практически отождествляет его с массовым

сознанием и, в свою очередь, делает новое понятие ненужным.

В большинстве работ, посвященных этническим группам и национальному характеру, ментальность используется как некая метафора для обозначения ценностей, ценностных ориентаций и установок¹⁷. При этом предполагается, что ценностные установки и представления о ценностях позволяют раскрыть содержание ментальности и, таким образом, осуществить культурную идентификацию. Такой подход, как правило, иллюстрируется различиями в иерархии ценностей и содержательном наполнении одних и тех же ценностей в различных культурах.

При этом схватывается лишь один аспект ментальности и не учитывается, что устойчивость менталитета определяется не только общепринятой системой ценностей, но и наличием у людей собственной системы координат в лице традиций, житейской мудрости, опыта поколений, дискурсивных практик для ориентации в неожиданных ситуациях и для выработки схем поведения, мало соответствующих, казалось бы, устоявшимся ценностям.

Ряд авторов, подчеркивая историко-культурную обусловленность менталитета, влияние культуры, языка, форм общения на его формирование¹⁸, не учитывает их взаимообусловленность и взаимовлияние, оставляя в тени факт пронизанности и культуры, и языка ментальным содержанием. Не случайно ведь, что, несмотря на многовековой социокультурный раскол российского общества, сохраняется его единое ментальное поле, те внутренние скрепы, которые, по словам Ж. Ле Гоффа, объединяют Св. Людовика и крестьян на его землях, Колумба и матросов на его каравеллах¹⁹.

Все это свидетельствует о том, что еще преждевременно говорить об окончательном утверждении понятия «менталитет» как научной категории. Многие ученые настороженно относятся к его использованию, а некоторые и вовсе отрицают правомерность использования этого термина. Так, Ф. Граус считает, что «менталитет есть только абстракция: это понятие, придуманное историками, а не явление, открытое ими в исторической действительности»²⁰. К тому же, учитывая, что имеющиеся в распоряжении исследователей методические процедуры измерения ментальности способны осуществить это только в отношении ее внешнего, «поверхностного» слоя, не в силах просчитать ее глубинные основания и выявить ментальные механизмы, ряд специалистов отрицает эвристическую ценность данной категории, поскольку то, что

эмпирическим путем можно выявить в менталитете, уже давно практикуется в социальной психологии. Не случайно, являясь прежде всего психологической категорией, менталитет значительно меньше используется именно в психологии (по сравнению с другими «человековедческими» дисциплинами).

Можно отметить несколько причин такого скепсиса, из которых самая главная состоит в том, что по-прежнему присутствует категориальная неоднородность при определении самого термина. В трудах тех, кто пытался предложить свое определение, очень заметны дисциплинарные особенности сформулированных дефиниций. Их анализ позволяет выделить до восьми групп научных дисциплин, в той или в иной степени связанных с изучением ментальности. Остановимся на основных из них.

В категориальный каркас исторической науки понятие «менталитет» было введено представителями историко-психологического и культурно-антропологического направлений Л. Леви-Брюлем, Л. Февром, М. Блоком и другими. Оно фиксировало наличие у представителей национально-этнических и социокультурных общностей общего «умственного инструментария», своего рода «психологической оснастки», которая позволяет по-своему воспринимать и осознавать природный и социальный окружающий мир и самих себя. Сама же новая историческая наука возникла под непосредственным влиянием идей Э. Дюркгейма о коллективных представлениях. Вторым мощным источником идей в изучении ментальности являются работы Э. Гуссерля и его ученика А. Шюца, который создал последовательное учение о сознании на основе концепции знания как образа жизненного мира. Современная трактовка термина приводится А.Я. Гуревичем: «Слово *mentalite*, обозначающее ключевое понятие, вводимое Февром и Блоком в историческую науку, считается непереводаемым на другие языки (хотя в английском языке есть слово *mentality*, а в немецком – *Mentalitat*). Его действительно трудно перевести однозначно. Это и «умонастроение», и «мыслительные установки», и «воображение», и «склад ума». Но, вероятно, понятие «видение мира» ближе передает тот смысл, который Блок и Февр вкладывали в этот термин, когда применяли его к психологии людей минувших эпох»²¹.

«История ментальности, – продолжает автор, – то есть разлитых в определенной социальной среде умонастроений, неявных установок мысли и ценностных ориентаций, автоматизмов и навы-

ков сознания, текучих и вместе с тем очень устойчивых вневличных его аспектов, противопоставляет себя традиционной истории идеологий... История ментальности вскрывает иной, как бы «потаянный» план общественного сознания, подчас не выраженный четко и не формулируемый эксплицитно. Исследователь ментальности имеет дело не с философскими, религиозными или политическими убеждениями или доктринами как таковыми, – его занимают не теории, а та почва, на которой произрастают, в частности, и теории. В центре его внимания – образ мира, который заложен культурой в сознание людей данного общества и преобразуется или спонтанно, по большей части вне контроля их «дневного сознания»... Перемещение интереса... на мировидение обусловлено пониманием того, что за теориями и учениями кроется иной план реальности, укорененный столь глубоко и прочно, что когда одна идеология сменяет другую, этот потаянный слой образов и представлений может оставаться неизменным или изменяться лишь отчасти, сохраняя свои основные параметры»²².

Анализ взглядов основателей школы «Анналов», их последователей и сторонников позволяет выделить следующие основные характеристики менталитета. Прежде всего, он характеризуется разнообразием и богатством своих источников и факторов. Сюда включаются: факторы общественно-культурологические, уходящие корнями в общественную жизнь и ее структуры, и факторы, уходящие корнями в природу, захватывающие как природную среду обитания человека, так и его собственную природу; факторы вполне осознаваемые и оцениваемые человеком и факторы бессознательные, подсознательные, которые не осмысливаются им; факторы рациональные (научные, философские идеи, политическая идеология) и факторы эмоционально-психологические (установки, аффекты); факторы общественные, идущие от социума, социальности, и факторы индивидуальные, корни которых – в интимных глубинах личности.

Далее, менталитет человека характеризуется целостностью, наличием определенного качественного ядра. Все факторы, составляющие менталитет, существуют не просто в своей разнородной разности, не в своей внешней связанности и сопряженности. Они сливаются в некий духовный сплав, структуру, определяющую предрасположенность индивида мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом и действовать, предпочитать (или отвергать) определенные ценности, культурные коды и т. д. Иными словами,

менталитет выступает как духовная основа целостного образа жизни человека, детерминирующая как осознанно, так и неосознанно всю линию его жизнедеятельности.

Менталитет складывается длительным путем. Конечно, в первую очередь на человека влияют обстоятельства его жизни, непосредственно им воспринимаемые и требующие от него ответной реакции. Но не только они. История общества, в которой живет человек, традиции, коды культуры, стандарты поведения, стиль мышления – все это складывается веками. И все эти факторы, зачастую не осознаваемые человеком путями, а если и осознаваемыми, то не вполне им оцениваемые, влияют на человека, оседают в нем, превращаются в черты его менталитета. Видимо, это аналогично тому, как генетический аппарат складывается на протяжении многих поколений и в определенной степени инвариантен по отношению к особенностям жизни данной конкретной особи, так и менталитет суть производное в человеке от его всеобщей истории и в какой-то мере инвариантен по отношению к обстоятельствам его биографии.

Менталитет человека, далее, носит глубинно-устойчивый характер. Находясь в динамических, бесконечно разнообразных обстоятельствах жизни, человек реагирует на них, приспосабливается, непрерывно меняет ориентиры своего поведения. Без такой динамичной адаптации он просто не смог бы существовать вообще. Менталитет же человека характеризует не эту бесконечную вариантность человеческого поведения, а нечто более глубинное. Его можно обозначить как ту духовно-стационарную основу человеческого существа, которая как раз и позволяет ему бесконечно видоизменять свое поведение, оставаясь при этом одним и тем же.

Весьма важным достижением теории менталитета является представление об особых законах его складывания и функционирования. Это означает, что хотя на формирование менталитета воздействует огромное и разнообразное множество факторов, он тем не менее не выступает как их простое следствие, простая проекция в лично-индивидуальную форму бытия этих факторов. Он имеет свое качественное своеобразие и существует именно по законам своей собственной качественной природы, это своеобразный генный аппарат человеческого общества.

Менталитет человека, будучи устойчивой основой его существа, выступает активным фактором человеческой жизнедеятельности. С одной стороны, он двигает человека на принятие определенных действий, следование определенным ценнос-

тям, предпочтение определенной культуры, образа мыслей и чувств. С другой – он же выступает основой отталкивания человеком всего того, что ему чуждо, неприятия определенных стандартов поведения, идей.

Огромна роль менталитета в развитии сложной гаммы отношений человека с обществом и его составляющими. Так, менталитет человека является важным фактором социальной интеграции людей, основой складывания социально-психологических общностей. По существу, любая общность, какие бы детерминанты ни лежали в ее основе, несет в себе ментальное слагаемое. Ментальность во многом объясняет и противостояние людей, общностей, и определенную меру жесткости в этих противостояниях.

Важно подчеркнуть, что менталитет человека – это такое глубинное качество его духовности, которое обуславливает не только характер духовного отражения человеком общества, его адаптацию к общественным условиям, но и определенную форму активного преобразования себя, своей общественной жизни. Иначе говоря, не только общество, воздействуя на человеческий менталитет, меняет человека, но и человек, исходя из своего менталитета, меняет свое общественное бытие, преобразовывает общество.

Менталитет человека – это сложный комплекс, характеризующий его духовность. В нем сочетаются и сознательные установки человека, и его подсознание, его четко осознаваемые цели и инстинкты, общественные факторы его бытия и его природные качества, его разум и чувства, его идеалы и практические мотивации. В ментальности как бы сливаются действие общественных традиций, достижений культуры и лично индивидуальный опыт, историческое прошлое и требования сегодняшнего дня. Ментальность детерминирует жизнедеятельность человека и на уровне сознательного следования определенным идеям и целям, и на уровне подсознательного подчинения стереотипам, установкам, подсознательным импульсам. Одним словом, ментальность человека – сложное, синтетическое образование, играющее колоссальную роль в жизни человека.

Как видим, с точки зрения историка, ключевыми словами, определяющими сущность категории «менталитет», являются: «умонастроение», «неявные установки мысли», «ценностные ориентации», «автоматизмы и навыки сознания», «внелические аспекты сознания» «текучесть» и вместе с тем «устойчивость», «спонтанность», «мировидение», «образ мира».

Особенность философского толкования заключается в том, что менталитет осмысливается с двух позиций: онтологически, как реальный феномен, который объективно существует, и гносеологически, как теоретический конструкт, инструмент исследователя, смоделированный с целью более полного объяснения сложного общественного комплекса. Вообще, менталитету придается функция интерпретационной модели, выражающей одну из сторон бытия социальных общностей.

Б.В. Марков отмечает, что данное понятие «призвано восполнить упрощенную модель сознания, в которой господствующим центром выступает рациональность, к тому же смоделированная по образцам инструментального и целерационального действия»²³. Оно, как видно, охватывает не только знание, мировоззрение, идеологию, но и эмоционально-образные, духовно-ценностные представления.

Дефиницию менталитета дал участник «круглого стола» в редакции «Вопросов философии» И.К. Пантин, подчеркнувший его массовый характер, обусловленность исторической судьбой народа, определенную предзаданность²⁴. Напротив, позиция А.С. Ахиезера делает акцент на динамику понятия как его основного функционального качества. Менталитет, считает он, есть «устойчивый изоморфизм, присущий культуре», и «особый способ организации, структуры освоения, осмысления через систему основополагающих ценностей»²⁵. В таком понимании важно, что это тот социальный продукт, который базируется на изменении мыслительных характеристик индивида под воздействием меняющихся характеристик деятельности.

Разработки философов не оставляют сомнений в двойственности природы рассматриваемой категории, предопределенной статичностью, образующей одно из ее имманентных свойств, и изменчивостью, так как при отсутствии динамики оперирование этим термином теряло бы смысл.

С точки зрения социологии выделяется ряд категорий, анализ которых позволяет выявить специфику ментальных структур. Прежде всего, это ценностные ориентации и неотрывно связанные с ними социальные установки. Эмоционально пронизанная ценностно-установочная система обуславливает специфику рефлексии, следовательно, понятие личности, и в этом качестве воспринимается как ядро ментальной тенденции сознания. При этом в менталитете каждого народа дифференцируется устойчивое ценностно-смысловое ядро и изменчивая периферия. Под ценностно-

смысловым ядром понимаются определенные духовные ценности и их приоритетный порядок (иерархия), которые влияют на своеобразие мироощущения, самобытность жизненных практик и повседневных идеологий. Кроме того, центральную, ядерную часть составляют некие первичные «смыслы», «образы» – базисные элементы культуры, формирующие константные модели духовной жизни, вслед за К. Юнгом определяемые как этнокультурные архетипы.

Периферию национального менталитета составляют временные, новообразовавшиеся или привнесенные из чужих культур ценности, смещения в их традиционно устоявшемся порядке (возникающие в силу так называемых ценностных переворотов). Обмен элементами ядра и периферии, вызывающий эволюционные и революционные процессы внутри ментальности, происходит под действием реально-исторических, идеологических, культурных факторов, среди которых долговременные играют первостепенную роль. Шанс попасть из разреженных периферических в плотные ядерные слои получают, по-видимому, только те ценности и «смыслы», которые изоморфны входящим в состав ядра или по крайней мере не противоречат им.

При этом именно периферический слой, лежащий на поверхности общественного и индивидуального сознания, прежде всего поддается измерению в эмпирическом исследовании. Если для научного овладения центральной частью менталитета, как правило, применяются методы, разработанные герменевтивной социально-исторической антропологией, структурализмом, социолингвистикой, социологией истории и знания, феноменологической и понимающей социологией, то в изучении феноменов периферического слоя наиболее эффективны традиционные исследовательские приемы, предполагающие анкетный опрос, контент-анализ, операционализацию понятий, разработку системы показателей, количественные измерения и т. п.²⁶

Во-вторых, социологическое исследование менталитета опирается на глубокое знакомство с социальными стереотипами как типизированным восприятием окружающего мира, максимально адаптированным к деятельности человека. В-третьих, особую важность приобретает анализ социологом культурной среды как самоценного фактора, оказывающего решающее влияние на систему ценностных ориентаций. Отмечая обусловленность менталитета социальным окружением, особое внимание обращается на комплексную характеристи-

ку референтных групп индивида. Именно разбор референтной среды способствует обозначению спектра возможных изменений в ценностно-ориентационной направленности граждан.

В целом указывается на большой аналитический заряд, заложенный в категории «менталитет», использование которого должно содействовать тщательному осмыслению результатов эмпирических исследований, особенно связанных с практическим претворением системы ценностей и человеческим поведением.

Одними из первых, кто усмотрел в менталитете научную категорию, были зарубежные психологи, однако лишь немногие из них решаются на дефиницию, да и сам термин «менталитет» не пользуется там популярностью. Будучи введен в психологию Ш. Блонделем (1926) и А. Валлоном (1928), он очень быстро вышел из употребления. Тем не менее, количество работ, посвященных психологическим различиям представителей разных культур, в настоящее время огромно, но при этом зарубежные исследователи обычно ограничиваются краткими определениями, а это только закрепляет существующую терминологическую неопределенность.

В англоязычных публикациях «менталитет» определяется как «качество ума, характеризующее индивида или класс индивидов», «способность или сила разума», «установки, настроение, содержание ума», «образ мыслей, направление или характер размышлений», «сумма мыслительных способностей или возможностей, отличающихся от физических»²⁷.

Как видим, в основу приведенных выше высказываний положены психологические категории «ум», «образ мыслей», «характер размышлений», «мыслительные способности», отражающие, прежде всего, качества, характеризующие специфику умственной деятельности индивидуального или коллективного субъекта, рефлексивно реагирующего на те или иные реалии окружающего мира.

В последние годы немалый интерес к феномену менталитета, в том числе к эмпирическим исследованиям его характеристик, стали проявлять и российские психологи. В этой связи стоит отметить работы К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, Л.М. Смирнова, И.Г. Дубова. Но лишь в работах последнего содержится попытка систематизации психологических воззрений на выработку адекватной дефиниции. По мнению Дубова, «менталитет – это некая интегральная характеристика людей, живущих в конкретной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими

людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него»²⁸.

На первый план, таким образом, выступает рефлексия человека на внешнюю действительность, оригинальность восприятия этой действительности через призму соответствующей культурной среды. В попытках обнаружить элементы, создающие это своеобразное восприятие, реагирование индивида исследователи обращают свое внимание на архетипы. Согласно К. Касьяновой, есть ряд предметов или идей, по-своему эмоционально окрашенных для представителей каждой культуры. При отражении в сознании они становятся импульсом к определенному действию. Связку «предмет – действие» К. Касьянова и называет социальным архетипом. На ее взгляд, он тесно связан с ценностной структурой личности, которая «погружена в архетипы»²⁹.

Итак, специфика психологического подхода вбирает в себя, во-первых, раскрытие менталитета как характеристики индивидуального сознания; во-вторых, рефлексию индивидуумом окружающей реальности как основной способ ментального проявления; в-третьих, подчеркивание роли, которую играет культура как основополагающий фактор формирования менталитета.

Синтезируя наиболее существенные признаки менталитета, И.Г. Дубов проводит следующую психологическую характеристику данного понятия: «Менталитет как специфика психологической жизни людей раскрывается через систему взглядов, оценок, норм и умонастроений, основывающихся на имеющихся в данном обществе знаниях и верованиях и задающую вместе с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного иерархию ценностей, а значит, и характерные для представителей данной общности убеждения, идеалы, склонности, интересы и другие социальные установки, отличающие указанную общность от других»³⁰.

Аналогичные подходы с теми или иными терминологическими нюансами приводятся во многих психологических публикациях. Это позволяет существенно расширить перечень ключевых слов, относящихся к психологической характеристике менталитета. К их числу можно отнести «перцептивные и когнитивные эталоны»; «социальные нормы»; «отношение к миру»; «взгляды на мир»; «оценка окружающей действительности»; «стереотипы сознания»; «социальные стереотипы»; «мотивационная сфера»; «доминирующие мотивы»; «убеждения»; «идеалы»; «склонности»; «интересы»; «социальные установки»; «стереоти-

пы поведения»; «стереотипы принятия решений»; «поведенческие альтернативы»; «традиции»; «обычай»; «этнический стереотип»; «национальный характер»; «сверхличностное сознание»; «народный дух» и т. п.

С учетом высказанных замечаний, наличия множества определений, характеризующих этот феномен с самых разных позиций, представляется целесообразным выделить из достаточно большого набора понятий наиболее существенные и аргументированные категории и на основе синтеза их содержания обозначить структуру и специфику менталитета.

Рассмотренное в такой междисциплинарной интерпретации понятие «менталитет» интегрирует совокупность когнитивных, аффективных и поведенческих характеристик, являя собой значимые для идентичности человека, группы, общества чувства, образы, идеи, идеалы, установки, мотивы, ситуации, события, также степень их вовлеченности в обиход как привычной повседневности, так и духовно-возвышенного пафоса. Менталитет составляют системы значений, система ценностей, типичные интеллектуальные и аффективные реакции, коды культуры, архетипы коллективного бессознательного. Опираясь на стереотипное отношение к окружающему миру, он обеспечивает возможность адаптации к внешним условиям и корректирует выбор социального поведения.

Очевидно, что данное определение, как и множество других попыток, носит рабочий характер, поскольку менталитет представляет собой настолько сложный феномен, что попытки «просчитать» его, определить структуру его элементов, их иерархию, содержательное ядро на данном этапе не дают реальных результатов.

Эти объективные трудности усугубляются содержательной неопределенностью и методической неоднозначностью при анализе целого ряда «несущих конструкций» менталитета, к числу которых следует отнести проблему выявления реальной иерархии ценностей, анализ содержания основных социально-политических и экономических категорий, которыми оперирует обыденное сознание (Свобода, Власть, Семья, Труд и т. д.), и неосознаваемых элементов менталитета (со времен К. Юнга наука мало продвинулась в этом вопросе), масса нерешенных вопросов остается и в сфере нормативной регуляции деятельности.

Учитывая также чрезвычайно тонкую эмоционально-чувственную, духовную ткань ментальности, трудноуловимость ментального «эфира», для

историка ментальности достаточно острый характер имеют проблемы разведения индивидуально-авторского и типического, влияния на ментальную реконструкцию интерпретирующего воздействия историка, которое обостряется объективно существующими пределами возможного проникновения исследователя в специфический код иной культуры, способности уловить и зафиксировать

механизмы взаимовлияния и взаимопроникновения ментальности и остальных сфер жизнедеятельности человека.

Указанное состояние вопроса, на наш взгляд, должно стимулировать дальнейшие поиски на основе междисциплинарного синтеза, имеющие не только научную, но и очевидную практически-политическую значимость.

Список использованной литературы:

- ¹ Герасимов И.В. Модернизация России как процесс трансформации ментальности // Русская история: проблемы менталитета. М., 1994. С. 10.
- ² Цит. по: Таршис Е.Я. Ментальность человека: подходы к концепции и постановка задач исследования. М., 1999. С. 10.
- ³ Там же.
- ⁴ Гуревич Л.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993. С. 68.
- ⁵ См.: Бутенко А.П., Колесниченко Ю.В. Менталитет россиян и евразийство: их сущность и общественно-политический смысл // Социс. 1996. №5. С. 94; Шульдин Б.П. Российский менталитет в сценариях перемен // Социс. 1999. №12.; Марцинковская Т.Ю. Русская ментальность и ее отражение в науках о человеке. М., 1994. С. 14.
- ⁶ Барулин В.С. Российский человек в XX веке. М., 2000. С. 191.
- ⁷ Поршнева О.С. Ментальность и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914-март 1918). Екатеринбург, 2000. С. 19.
- ⁸ См. например: Ментальность россиян. М., 1997.
- ⁹ Поршнева О.С. Указ. соч. С.19.
- ¹⁰ Ануфриев Е.А., Лесная Л.В. Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен // Социально-политический журнал. 1997. №4. С. 34.
- ¹¹ Цит. по: Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания. СПб., 1994. С. 14.
- ¹² Насиновская Е.Е. Возрождение характерологии // Психологический журнал. 1998. Т.19. №1. С. 180.
- ¹³ Кон И.С. К проблеме национального характера // История и психология. М., 1971. С.124.
- ¹⁴ Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1996. С.165 – 166.
- ¹⁵ Дубов И.Т. Феномен менталитета: психологический аспект // Вопросы психологии. 1993. №5. С. 21-22.
- ¹⁶ Манекин Р.В. Контент-анализ как метод исследования истории мысли. Опыт количественного исследования итальянских текстов эпохи Возрождения (Поджо Браччолини) // Клио. 1991. №1. С.28.
- ¹⁷ См. например: Сикевич З.В. Национальное самосознание русских. М., 1995.
- ¹⁸ Панарин А.С. Социальная эсхатология и бюрократическая картина мира // Бюрократия и общество. М., 1991. С. 10.
- ¹⁹ Цит. по: Филд Д. История менталитета в зарубежной исторической литературе // Менталитет и аграрное регулярное развитие России (XIX-XX вв.). М., 1996. С. 11.
- ²⁰ Цит. по: Таршис Е.Я. Указ. соч. С. 11.
- ²¹ Гуревич Л.Я. Указ. соч. С. 60.
- ²² Там же. С. 59.
- ²³ Марков Б.В. Разум и сердце: история и теория ментальности. СПб., 1993. С. 80.
- ²⁴ Российская ментальность. Материалы «круглого» стола // Вопросы философии. 1994. №1. С. 30.
- ²⁵ Ахизер А.С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т.III. С.189-190.
- ²⁶ Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Современный социологический анализ. М., 1996. С. 13.
- ²⁷ Гершунский Б.С. Менталитет и образование. Учебное пособие для студентов. М., 1996. С. 40.
- ²⁸ Ментальность россиян... С. 10.
- ²⁹ См.: Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994. С. 32.
- ³⁰ Дубов И.Т. Указ. соч. С. 22.